

В. Гоу

Вкус и запах

Владимир Гой
Вкус жизни (сборник)

«Автор»

2003

Гой В.

Вкус жизни (сборник) / В. Гой — «Автор», 2003

Читатель! В этой книге ты можешь встретить самого себя – и не удивляйся: мы все в этом мире похожи друг на друга в любви, подлости, жадности и многом другом. Будь ты возвышенный идеалист или конченный пройдоха, я обещаю, что несколько строк здесь будет посвящено и тебе. Каждый день, проведенный в этом мире, оставляет вкус радости, разочарования, ненависти, и мы переживаем его в себе снова и снова. Но если вдруг в тебе пропал вкус к жизни и тебе все равно, что было вчера и что будет завтра, то быстрее отправляйся в дорогу по страницам моей книги.

© Гой В., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Дрэйк	6
Иероглиф	8
Трус	10
Акулы	12
Особенное счастье	16
Женитьба	18
Святой	20
Ориентация	21
Жажда крови	23
Капитан	27
Круг	29
Молодожен	31
Чистюля	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Гой

Вкус жизни (сборник)

© В. Гой

© FLAI PALETE

© Сергей Козлов

© SIA BURLICIS

* * *

Дрэйк

– Мистер Дрэйк, как вам удалось всего этого добиться, какая волшебная птица помогла вам взлететь на Олимп богатства и славы, и вообще, с чего вы начали? – прервал затянувшуюся паузу репортер из вечерней газеты, вызвав довольный шумок среди собратьев по перу из других изданий.

Дрэйк усмехнулся, достал из коробки толстую сигару, откусил кончик по давней привычке и прикурил, с любопытством разглядывая задавшего вопрос репортера. «Может, уже пронюхали эти газетные крысы, – мелькнула мысль. – Ну и плевать, пусть знают, может, поумнеют». Дрэйк сделал глубокую затяжку и обратился к собравшимся в его кабинете:

– Вообще-то это долгая история, но если у вас есть желание послушать...

Ему не дали договорить, все выразили бурное желание услышать исповедь самого богатого человека года. Дрэйк распорядился принести всем все, что они пожелают, подготавливая их к долгому рассказу, взял еще одну сигару, чуть задумался и начал:

– Мне тогда было двадцать четыре года...

Осенние листья, подобно луковичной шелухе, покрыли толстым слоем всю землю Гойдманского парка. Том бесцельно бродил по парку уже несколько часов. Ему доставляло удовольствие зарываться при ходьбе по щиколотку в опавшие листья и изредка подфутболивать их ногой, любуясь разноцветным веером.

Работы у него не было уже больше года, но отчаянию он не поддавался, считая, что обязательно должно когда-нибудь повезти. По вечерам он читал приключенческие романы, где главные герои всегда находили много денег, золота, изумрудов и начинали жить припеваючи. Как он любил об этом помечтать, и сейчас в Гойдманском парке мысленно откапывал где-то клад и пересчитывал найденные золотые монеты древней чеканки. Но, совершенно замечтавшись, зацепился ногой за скрытый под листьями корень и полетел головой вниз на пушистый с виду ковер. Приземление было удачным, он вовремя выбросил вперед руки, и весь удар пришелся на ладони.

Перед самым лицом из-под листьев выглядывала ручка саквояжа с привязанной к ней багажной биркой авиакомпании. Том, не поднимаясь, потянул за ручку и вытащил весь саквояж. Оглядевшись по сторонам, Том сел и попытался его открыть. Но сложный замок с шифром никак не поддавался. Тогда он достал из кармана нож и, прорезав сбоку кожу саквояжа, заглянул в него. Весь саквояж был набит плотными стопками зеленых купюр по сто долларов каждая. На лбу Тома выступила испарина, ему казалось, что из-за каждого куста на него пристально смотрят страждуще-любопытные глаза. Он зажал саквояж под мышкой и быстрым шагом пошел домой. Ноги так и пытались перейти на бег, но Том сдерживал в себе это желание. Не дай Бог остановит любопытный полицейский и поинтересуется, куда это он спешит и что у него с собой. В свою однокомнатную квартирку на третьем этаже он поднимался, затаив дыхание, – не хотелось повстречаться с любопытными соседями.

На столе перед ним возвышалась горка из пачек банкнот. Ему было радостно и страшно: а вдруг кто узнает? Всю ночь он провел в раздумьях, что с ними делать. Понимая, что если вот так, сразу, он начнет позволять себе все, им быстро могут заинтересоваться нежелательные люди и власти, те и другие знали его образ жизни, и малейшее изменение приведет к непредвиденным последствиям. В конце концов, перед самым рассветом, он нашел выход – решил занять денег у отца и заняться бизнесом, так, для виду, а хорошая жизнь чуть-чуть подождет.

Он сложил все деньги в толстый непромокаемый мешок, увез их далеко за город и закопал в лесу, в надежном месте.

Отец долго не хотел ссужать сыну деньги, не без оснований считая его большим разгильдяем. Но слезные заверения и удивительное желание сына что-нибудь провернуть убедили отца дать ему шанс. Он пообещал оплатить по счету покупку чего-либо для перепродажи. Но только в том случае, если посчитает это выгодным и получит свой процент от прибыли.

Том бросился в бой. объездил всех своих знакомых, узнавая, нет ли чего интересного, на чем можно сделать деньги. Но они с сожалением пожимали плечами, мягко отказывали. Никто не хотел иметь с ним дела. Обида и злоба душили его, вызывая еще большее желание вылезти наверх и стать выше их всех.

Через две недели он завез в город редкий товар и заработал на нем первые три тысячи долларов. Потом пошли не менее выгодные сделки. Том с головой ушел в свое увлечение: это нельзя было назвать работой, для него это был своего рода спорт, где он хотел вырваться на финишную прямую, намного опередив своих соперников. Не каждый день приходили новые доллары, случалось и так, что они безвозвратно улетучивались – бизнес есть бизнес.

– И я стал не просто Том, а мистер Дрэйк, – закончил свой рассказ Том Дрэйк.

Репортеры, увлеченные рассказом, не заметили, как пролетели два часа. Мистер Дрэйк был замечательный рассказчик, он обворожил своих слушателей проникновенным голосом. Они сидели молча, удивляясь и немного завидуя его неиссякаемой энергии и, конечно же, тому заветному саквоюжу. Когда Дрэйк поднялся из кресла, показывая, что прием окончен, все тот же молодой человек из вечерней газеты спросил:

– Извините, мистер Дрэйк, а что, тот миллион вы спустили, как хотели?

Дрэйк усмехнулся и после небольшой паузы ответил:

– Спустя два года, как я начал заниматься бизнесом, на моем банковском счете появилась шестизначная цифра. Решив, что пришла пора забрать свой гарантийный капитал, я откопал его.

– И что?! – спросил нетерпеливый репортер.

И что? Понес деньги в банк к своему отцу. Представьте же себе мое изумление, когда все эти деньги оказались фальшивыми! – на минорной ноте закончил свою историю самый богатый человек года Том Дрэйк.

Иероглиф

Ее лица я совсем не запомнил, но длинные стройные ноги, тонкая талия, зовущая грудь и странная татуировка на спине в виде какого-то иероглифа, напоминающего покривившийся забор, отпечатались в памяти надолго. Мы расстались так же быстро, как и встретились, все пронеслось в безумном веселье, заливаемом вином, в шумной толпе таких же прожигателей жизни, как и я. Под утро, стряхнув с себя остатки сна несколькими глотками пива, я еще раз окинул взглядом ее соблазнительные формы под одеялом, прогнал прочь интересные мысли и, быстро натянув джинсы и свитер, тихонько выскользнул из номера в коридор. Постояльцы отеля в это раннее утро спали безмятежным сном отдыхающих, и разбудить их мог только бесплатный завтрак или запланированная поездка по окрестностям курорта. Мне же пора было домой уже давным-давно, еще вчера.

Я брел по пляжу побитой собакой, изнуряемый моральным похмельем и разными дурацкими мыслями. Даже солнце, вылезшее из-за сосен, смотрело на меня громадным осуждающим красным глазом. Скинув одежду, я стал медленно заходить в море, радуясь еще теплой со вчерашнего дня воде. Пройдя первые три мели, я сделал глубокий плоток воздуха и нырнул в глубину, коснувшись животом ребристого от волн песка. Тут вода была как слоистый пирог – то холодная, то теплая, еще не успела перемешаться.

Я все плыл и плыл куда-то в глубину, и только когда в груди судорожно начали сжиматься мышцы от нехватки кислорода, вынырнул на поверхность и медленно поплыл вдоль буйков, понемногу приходя в себя.

Дочь профессора Тепличкина была для меня неплохой парой, только корчила из себя жуткую недотрогу, и когда я украдкой пытался потрогать ее за грудь, она хмурилась, отводила мою руку в сторону и почти таким же голосом, как у ее папаша, безапелляционно заявляла: «Все после свадьбы». Прошло уже три года, как я переехал из своего провинциального городка у моря в большой красивый город по приглашению одной известной компьютерной фирмы, а несколько месяцев назад познакомился на приеме в местном университете с необыкновенным созданием в женском обличье. Через знакомых я вскоре выяснил, что она дочь местного научного светила и действительно абсолютно недоступная. Меня это не остановило, а только еще больше раззадорило, ведь известно, что самые вкусные плоды – запретные.

Целый месяц мы ходили с ней, держась за ручки, как в первом классе. На мои первые попытки сложить губы в трубочку она своим тонким указательным пальцем накладывала на них табу и, нахмутив брови, осуждающе покачивала головкой. Только через полтора месяца я наконец коснулся ее губ своими, после чего ловко увернулся от оплеухи. Она нравилась мне с каждым днем все больше и больше. Вечером я приходил в свою маленькую квартирку, ложился на диван и предавался сумасшедшим мечтам – она должна быть моей!

На свадьбе собралась вся профессура и мои новые друзья в этом городе. Родители приехать не смогли, но прислали поздравительную телеграмму и две тысячи долларов из своих скромных сбережений. Банкетный зал ресторана «Метрополь» трещал по швам от избытка гостей. Гости произносились один за другим, и на каждое «горько» я с удовольствием отыгрывался на своей невесте за столь долгое воздержание затяжным страстным поцелуем, но мысленно я уже видел ее на своем двуспальном диванчике.

Гости все никак не хотели расходиться, и только в начале четвертого мы распрощались с родителями и отправились на заказном автомобиле в свое гнездышко.

Давно я так быстро не раздевался и не раздевал. Ее белоснежное платье было сорвано в одну секунду, чувства путались и страсть переполняли меня всего. Покрывая поцелуями ее тонкую шею, животик, грудь и ноги, я не мог насладиться быстро этими мгновениями и стал

целовать ее красивые пальчики на ногах, перевернул ее к себе спиной и... замер. Между нежных лопаток красовался давно забытый мной странный иероглиф, похожий на перекошенный забор. Мгновение я пребывал в растерянности, а потом продолжил путешествие по ее телу своими губами.

Я никогда не спрашивал о ее прошлой жизни, только однажды спросил о странной татуировке на спине, и она скупко проронила: «Так, ошибки молодости», и все. Ну а я стал еще большим философом и вообще перестал удивляться превратностям судьбы.

Трус

Дик Кроус был страшный трус. Если обычный трусливый человек, почувствовав опасность, замирает от страха и все мысли его заняты только тем, куда бы побыстрее улизнуть, то у Дика это чувство проявлялось в совершенно иной форме и в эти довольно нередкие моменты его жизни доставляло немало хлопот ему самому и тем, кто его окружал. Но зато однажды он получил известность как удивительно смелый человек. Когда поздним вечером на него напали двое крепких молодцов, пытаясь «проверить» содержимое портфеля, Дик со страху отделал их так, что в ближайшем полицейском участке начали сомневаться, кто на кого напал.

А на следующий день в вечерних новостях передали о смелом поступке муниципального бухгалтера, который совместно с полицией помог задержать опасных преступников. И никто не догадывался, что бедный Дик несколько дней после этого не мог спокойно ходить по улицам, а как только начинало смеркаться, прислушивался к шагам на лестничной площадке, опасаясь ограбления или еще чего похуже.

Коллеги-мужчины после этого случая стали смотреть на него с уважением, а женщины начали обсуждать, на какие тайные поступки он мог быть способен, и посматривали на него дерзкими желающими глазами. Дик это нравилось, и иной раз ему и впрямь начинало казаться, что он этакий супермен. Но стоило ему лишь выйти за большие резные двери муниципалитета, как вся смелость оставалась там, в служебном кабинете, а выползавший откуда-то изнутри страх брал под руку. Так вдвоем со страхом они и добирались домой.

Когда его нервы были уже на пределе, Дик решил купить пистолет. Ну так, на всякий случай. Магазин огнестрельного оружия находился рядом со службой, и Дик стал захаживать туда почти ежедневно, разглядывая автоматы, пистолеты и другие занимательные штучки. Вскоре его выбор остановился на симпатичном шестнадцатизарядном автоматическом браунинге в кожаной подмышечной кобуре.

Дома Дик примерил на себя эту самую кобуру, сунул в нее пистолет и встал перед зеркалом. Да, теперь он явно себе нравился – в глазах появился какой-то металлический блеск под ствол дула браунинга, выражение лица стало уверенным и спокойным, как у героев американских боевиков. Поворачиваясь перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон, он все больше и больше убеждался, что это как раз то, чего ему не хватало всю жизнь.

Утром, собираясь на работу, он пристраивал под мышкой свою новую игрушку, несколько раз, как бы тренируясь, выдергивал пистолет из кобуры и нацеливал в зеркало на самого себя. Наигравшись, надевал пиджак, на него сверху плащ и отправлялся к своим бухгалтерским отчетам. По улице он теперь шел не спеша, уверенно поглядывая по сторонам. В кабинете он снимал с себя «сбрую» и засовывал ее поглубже в ящик стола, прикрывая сверху папкой с конторскими документами. А в течение дня обязательно по нескольку раз выдвигал ящик, любуясь предметом, который принес ему столько уверенности в себе. Так продолжалось изо дня в день.

Однажды второпях он забыл пистолет дома. У Дика появилось ощущение, будто каждый второй смотрит на него искоса, с какими-то тайными намерениями. Вечером, выскочив на остановке из автобуса, он стремглав, как в былые времена, бросился бежать к своему дому. Не успев отбежать и ста метров, он услышал позади грубый окрик:

– Эй, постой!

Но Дик припустил еще быстрее. Добравшись до подъезда, он оглянулся и увидел, что кто-то его нагоняет. Дик рванул дверь и, перепрыгивая через ступени, понесся к себе на третий этаж. Тот, бежавший сзади, через секунду был уже в подъезде и опять окликнул Дика:

– Эй! Эй!

Но Дик не отзывался. Торопясь, не попадая ключом в замок, он открывал дверь в квартиру, слыша быстро приближающиеся шаги. Захлопнув за собой дверь, Дик забежал в спальню и схватил со стула у кровати свой пистолет. Судорожно расстегивая кобуру, достал браунинг и тихо подошел к двери, весь покрытый каплями пота. В голове стучало: «Пусть только попробует войти. Пусть только...»

Когда раздался резкий звонок, Том вцепился в пистолет мертвой хваткой и его палец сам нажал на спусковой крючок. Выстрел прозвучал сухо и убедительно. Весь сжавшись от жуткого страха, он долго не открывал дверь. И только когда услышал на лестнице голоса соседей, выглянул.

У дверей на полу лежал незнакомый мужчина, сжимая в руке его портфель, забытый в автобусе.

Акулы

Она меняла цвет своих волос, как хамелеон меняет цвет своей кожи, но большую часть времени оставалась брюнеткой, что было ближе к ее естественному цвету. Природное умение приспособиться к окружающему миру делало ее удивительно похожей на этого замечательного гада, с той лишь разницей, что он меняется для того, чтобы спрятаться от своих врагов, а она – чтобы их заманить. Все зависело от того, какой цвет волос, манера поведения, одежда были по вкусу ее новой жертве – так она и облачалась.

Приметив на какой-нибудь вечеринке свой будущий кошелек, она обращала внимание на женщину, с которой он пришел, обязательно пыталась с ней познакомиться, и в компании, используя природное хвастовство представительниц своего пола, когда они трещат языками все одновременно, за вечер узнавала многое, что помогало ей завоевать разум друга ее новой разговорчивой знакомой. Конечно, нельзя сказать, что они начинали выкладывать про своих спутников все вплоть до исподнего, но кое-какие штрихи за целый вечер можно было почерпнуть, и этого иногда было вполне достаточно, чтобы начать охоту.

Мужчины обычно заглядывались на ее тонкие длинные ноги – их нельзя было назвать идеально правильными, в них присутствовал незаметный штрих кривизны, что делало их безумно сексуальными. Ее оттопыренная попка вызывающе округлилась под юбкой, как бы жалуясь всем окружающим, что ей здесь тесновато и что она была бы рада освободиться от этих сжимающих объятий; потом был правильный переход в тонкую талию, выше ей особенно похвастаться было нечем, это был единственный удручающий ее недостаток. Но многие, очень многие западали на эти небольшие холмики с нагло выпиравшими сосками, доказывавшие всему свету свое право на существование.

Он пришел в клуб «Вуду» один. Присел возле бара на неудобный квадратный стул и, заказав кампари с соком, начал незаметно шарить взглядом по столикам, разглядывая лица посетительниц, которые благодаря мягкому матовому свету, казались все очень ровными и приятными. Но это был просто эффект освещения, и он знал, что стоит их отсюда вывести на свет, и сказка может кончиться.

Он перевел взгляд на молоденьких официанток, отдельные места которых были прикрыты лоскутками бордовой ткани в стиле южноафриканских племен. Некоторые были довольно неплохи и могли потягаться своими формами с посетительницами, считающими себя особенными. Дамы пришли сюда со своими кавалерами и ревниво наблюдали, как те поедают взглядом девушек, снующих между столиками. Карен сам не раз ловил себя на мысли, что неплохо бы попробовать одну из них, но отлично осознавал, что стоит ему увлечься, и не без помощи множества нужных и ненужных знакомых в течение недели это может дойти до его жены.

Нет, он не боялся развода, ухода из дома – страшней всего были ее причитания по поводу сломанной жизни и всего остального. Вообще за последние четыре жены он должен был бы и привыкнуть, но его все равно пугало это нытье. Сам не зная почему, после работы он часто тащился в этот бар, пропускал пару кампари и отправлялся в свой загородный дом, где его ждали красивая, но вечно недовольная жена и четырехлетний сын.

С завидным постоянством раз в пять лет он заводил где-то на стороне легкий роман, который вскоре превращался в страстную любовь, и в доме снова менялась хозяйка. Вместе с ней менялась обстановка в спальне, на кухне и по новой пополнялась опустошенная предыдущей хозяйкой гардеробная, перевидавшая на своем веку множество разнообразного тряпья, и если бы она могла говорить, она бы поведала Карену о том, что все ее хозяйки любили это тряпье гораздо больше, чем его самого. Он, наверное, подсознательно понимал

это и сам, поэтому ноги и приводили его в «Вуду», а не сразу домой, к очагу, где его, в общем-то, никто и не ждал, за исключением шустрого голубоглазого сынишки.

Когда в бар зашла она, Карен разглядывал официантку с выразительными формами, низко наклонившуюся грудью к обслуживаемому столику, что у него вызвало определенные фантазии, и ее он сначала даже не заметил. Она присела недалеко от него, рядом со стойкой, и что-то себе заказала, так же любопытно поглядывая по сторонам. Она быстро перехватила взгляд Карена, произнесла: «Неплохо» и отвернулась. Сначала ему показалось, что он ослышался, и он посмотрел непонимающим взглядом на свою соседку. Но она уже забыла про него и внимательно рассматривала интересную пару за столиком недалеко от входа.

Элегантная женщина лет сорока пяти держала за руку своего спутника, и они увлеченно болтали. На ее руке было удивительно красивое кольцо, отбрасывавшее разноцветные блики на белый потолок. Она даже немного позавидовала, нет, не кольцу, а тому, как они общались, хорошо проводя время и зная друг друга, по видимости, уже давно. Потом она почувствовала на себе любопытный взгляд своего соседа, но, что говорить, была сегодня не в духе. Повернувшись всем телом в его сторону, посмотрела нахально в его любопытные глаза и достаточно громко, чтоб это услышали девчонки за стойкой бара, спросила, как отрезала: «Ну что, пучеглазый, нравлюсь? Спи спокойно, дорогой друг, не возбуждайся, смотри, куда смотрел», – и кивнула в сторону столика, где еще минуту назад интересно стояла официантка.

Эта наглость его просто ошарашила, и он даже не успел ничего ответить, как она поднялась и вышла из зала, оставив на стойке свою маленькую сумочку от Версаче из крокодиловой кожи. В голове просто кипело: «Как могла эта сука себе позволить! Да кто она такая?! Да я ее...» и все в таком духе. Но когда она вновь появилась в проходе, он окинул ее взглядом, и мысли о страшной словесной мести не просто улетучились, а взяли и исчезли. И уже план предстоящего знакомства строился в его голове, он пытался выработать нужную стратегию за пятнадцать секунд, пока она шла через зал к стойке. Она спокойно уселась на свое место, словно и не она несколько минут назад окунула его с головой, вызвав скрытые улыбки официанток. Он так и не придумал, что ей сказать, с чего начать, и просто посасывал через трубочку свой напиток, изредка бросая косые взгляды в ее сторону.

А в баре понемногу начинала кипеть жизнь, на сцене несколько танцовщиц, изображая какой-то экзотический африканский танец, выплясывали под ритмичные удары барабана, поднимая настроение посетителей и возбуждая их своими обнаженными телами. Народу с каждой минутой становилось все больше и больше, возле бара было не протолкнуться, деньги передавали через головы сидящих и таким же путем получали назад коктейли, сигареты, орехи. Вокруг все шумело, смеялось, танцевало и спорило на английском, немецком, финском, русском. Он уже потерял ее в этой толпе и решил подняться из шумного подземелья на двадцать шестой этаж, в бар с панорамой ночного города. Желающих сделать то же самое было предостаточно, лифт скользил вдоль прозрачной стены вверх и вниз, меняя одну публику на другую, и так без конца.

В лифте они оказались с ней нос к носу, прижатые неутомной толпой, вернее, ее нос утыкался ему прямо в узел галстука, он же поворачивал голову в сторону и осторожно выдыхал, опасаясь, что у него может быть неприятный запах изо рта. Ее, казалось, раздражало дурацкое соседство с этим лохматым нахалом, и она не могла дождаться, когда же они выйдут из лифта. Так они молча стояли и ждали. Звонок оповестил, что они уже на двадцать шестом, она отлепилась от него и снова исчезла в толпе.

На следующий день все его мысли были заняты только одним вопросом: кто она и где ее найти. Работа просто не шла, и он, раскидав все свои дела, вышел из банка, решив немного побродить по Старому городу. И неожиданно – вот удача! – он увидел ее в кафе на старой площади с какой-то подругой. Он подошел поближе и узнал в этой подруге, сидевшей

к нему спиной, свою жену Лору. Это его расстроило и даже насторожило – никогда прежде он не видел ее в окружении своей жены, и какое-то предчувствие, то ли плохое, то ли хорошее, возникло где-то внутри. Он быстро вернулся на работу, вызвал к себе начальника службы безопасности и, быстро изложив ему суть дела, занялся своей работой, зная, что тот ляжет костью, но скоро ему все будет известно.

Через неделю у него на столе лежал отчет. Карен долго и скрупулезно изучал каждый лист, пытаясь поверить в то, что ему представил его подчиненный, приложив кассеты с записями телефонных разговоров его жены. Потом он снова вызвал к себе своего доверенного, они закрылись в кабинете и что-то очень долго обсуждали.

Когда в половине третьего ночи Лоре позвонили из полиции и сообщили, что ее муж задержан по обвинению в изнасиловании, она даже подпрыгнула. Но, сдерживая звенящий от радости голос, стала кричать в трубку: «Не может быть, вы там все сумасшедшие, позовите мне его к телефону!» К телефону его не позвали, предложив приехать на следующий день. От волнения она не могла заснуть, включила в столовой свет, закурила и, не вытерпев, набрала какой-то номер. К телефону долго не подходили, потом в трубке послышался заспанный мужской голос: «Алло!» Она, вся в возбуждении, чуть ли не прокричала в трубку: «У нас все получилось!»

Камера предварительного заключения здорово отличается от номера в пятизвездочном отеле. В углу скромно стоит параша (нет, это не женское имя, это приспособление наподобие чугунного ведра с крышкой для отправления естественных человеческих нужд), поэтому Карену здесь было немного неуютно, но в общем не так уж и страшно – в молодости, во время учебы на юридическом, ему приходилось посещать подобные заведения.

Лора смогла попасть к нему только на третий день, перед самой отправкой в тюрьму. Вопреки правилам, ее провели прямо к нему в камеру, а не в специальное помещение для свиданий. Он представлял собой неприятное зрелище – лицо в трехдневной щетине, сам невымытый и какой-то жалкий. Она смотрела на него с нескрываемым презрением, повторяя одно и то же: «Как ты мог, у нас же семья! Ты просто свинья и никогда меня не любил!», – разразившись рыданиями, которые разносились по коридору, волнуя других заключенных. Он удивленно пытался коснуться ее руки, но она ее отдернула с возгласом: «Не дотрагивайся до меня, мразь», и вышла из камеры.

Когда они ночью проникли за ограду, не гавкнула ни одна собака, сторож, увидев хозяйина, от удивления широко раскрыл глаза и был не в состоянии произнести хотя бы слово. Потом, собравшись, спросил: «Вы сбежали?» На что получил лаконичный ответ: «Нет». И сразу же хозяин спросил: «Она с ним?» Сторож кивнул.

В спальне ярко вспыхнул свет, она ошарашенно тарасилась, не понимая, что происходит. Ее любовник натянул одеяло до подбородка и трясся мелкой нервной дрожью. Рядом с кроватью стояли Карен, его начальник службы безопасности, адвокат и двое полицейских, один из которых беспрерывно фотографировал.

Когда он снова встретил в том же баре ту интересную незнакомку, она уже не была столь агрессивна. Они провели неплохой вечер, ее звали, почти как его жену, нежным именем Лаура, и когда он предложил подняться вместе с ним в номер, чтобы прозвучал заключительный аккорд их знакомства, она с удовольствием согласилась. В номере их уже ждали служба безопасности и полицейские. Уговаривать ее долго не пришлось, она все быстро поняла и согласилась поиграть.

Она знала, что в случае расторжения брачного договора по вине мужа он обязан был выплатить своей бывшей супруге десять миллионов долларов плюс оплачивать содержание ребенка до его совершеннолетия. А если что-то нарушала супруга, то оставалась ни с чем. Поэтому, пообещав своей очень давней знакомой за сделку пятьдесят тысяч, она попыталась отхватить лакомый кусочек и разделить его со своим тайным милым другом.

На этом все и закончилось, если не считать того, что через год Карен снова женился, на той самой, из бара, с романтичным именем Лаура. Ведь после первой встречи с его женой она отказалась от сделки, и только после того, как об этом ее попросил сам Карен, она не смогла удержаться – уж очень это было заманчиво.

Особенное счастье

Если бы я не знал совершенно точно, что ее родители коренные латыши, я был бы уверен, что она уроженка монгольских степей или Ханты-Мансийского округа России. Ее округлое лицо, слегка раскосые темные глаза и пухлые губы были не лишены привлекательности. Манера одеваться – единственное, что выдавало в ней истинную латышку, в ее гардеробе всегда был сдержанный шарм, что так свойственно дамам этой нации.

Она курила только легкие сигареты, и ей это очень шло. Обычно она пила французский коньяк или ирландский виски, при этом она с таким изяществом прикладывалась к бокалу, что если кто-то оказывался рядом, то у него сразу же появлялось желание составить ей компанию.

У нее никогда не было привычки что-то из себя строить, хотя она имела на это полное право. Ее крестьянские корни сидели глубоко в земле Тукумского района, и то, что она переселилась от родителей в город, совсем не значило, что она вот так сразу превратилась в заправскую горожанку. Послать подальше зарвавшегося городского мужчину ей не составляло особого труда, в свое время приходилось разбираться с куда более крупными деревенскими особями мужского полу.

Отец тысячу раз говорил ей: «Если твоим мужем станет русский, убью!» Судьба не без юмора вставила ему пистон в виде русского гражданского мужа, у которого к тому же были еще жена и двое детей в далеком нерусском Киеве.

С утра до вечера она работала в банке, занимаясь украинскими клиентами, и тут из Киева позвонил он. Вначале они просто решали по телефону рабочие проблемы, но за год в их отношениях все изменилось. Она не могла в него не влюбиться, как и многие другие. Его приятный голос по телефону просто сводил ее с ума, она еще даже не знала, как он выглядит, но внутри все уже трепетало. В нем чувствовались порода и необычайная власть над женщинами. Это было как раз то, чего ей больше всего не хватало. Вряд ли кто-нибудь другой смог бы ее подчинить, а этот окрутил невидимыми путами сладких речей – и все.

Когда он вышел из таможни аэропорта «Рига», она узнала его сразу: эти сумасшедшие честные глаза сексуального разбойника из Киева смотрели на нее так, словно он ее муж и только что вернулся из долгой командировки.

В тот же вечер они уже были вместе, по-другому просто и быть не могло.

Если бы ее отец мог его убить и незаметно закопать где-нибудь на своем участке, он бы это сделал. Но он смотрел на свою дочь и понимал, что она вся живет им, этим приезжим. Зато отец стал чаще ходить на демонстрации против русской оккупации Латвии, где выплескивал накопившее. Вообще-то он был добрый мужик, просто очень любил свою маленькую страну и переживал за все ее неудачи, переживал из-за своих крестьянских проблем, понимая, что если бы не его преуспевающая дочь, хозяйство бы рухнуло в один день.

На Лиго солнце скрывается всего на несколько минут и снова выплывает из-за горизонта. Витолд сидел за деревянным столом и смотрел, как его новый родственник потягивает из бокала рижское пиво.

– Ну что, может, русской водочки выпьем? – предложил Витолд дочкиному ухажеру. Он говорил по-русски без акцента, как и вся его семья.

– Можно попробовать, – согласился Андрей.

Под утро они уже допивали третью бутылку, и Витолд про себя дивился приезжему: «Ничего так, интересный мужик! И кто в наше время не делал ошибок, и кто знает, что в этой жизни правильно, а что нет».

Через год у Мары родилась дочь. В деревне не могли нарадоваться: первая внучка и такая красивая, складненькая, миленькая.

Она привыкла его ждать и не требовала от него никаких обязательств. Если он уезжал в Киев, она знала: у него там два сына, которым он нужен не меньше, чем им с дочкой. Он проводил там две недели и возвращался к ней, а потом снова уезжал, честно деля месяц на две половины.

Ей нравилось, как он сидит с удочкой на их деревенском пруду, как вкусно пьет пиво, как играет с дочкой, учит ее рисовать, как любит ее своей необычной любовью.

Иногда перед отъездом он пытался немножко повздорить с ней, чтобы как-то оправдаться, почему он уезжает.

Она смотрела, как самолет разбегается по взлетной полосе и уходит ввысь. Ей казалось, что однажды он вот так улетит от нее навсегда. «Ничего, со мной останется наша дочка, а в ней так много от него», – успокаивала она себя.

Но он всегда возвращался и приносил много радости в их дом.

Жизнь подкидывает нам всевозможные сюрпризы. Мы мечтаем об одном, а получаем иногда совершенно иное. Мы с осуждением смотрим на тех, у кого жизнь складывается как-то по-другому, не вписывается в рамки привычного и принятого. Но мы часто забываем, что каждый человек может быть счастлив каким-то своим, особенным счастьем.

Женитьба

Благодаря хорошей работе на фирме своего родственника он заслужил экскурсию в Стокгольм. И тут же судьба дополнительно премировала его будущей невестой, с которой он познакомился во время этого маленького путешествия. Это смело можно было назвать везением. Ему уже минул тридцать пятый год, а все его окружение женского полу представляло собой набор дешевых шлюх с большими амбициями и страшными рожами. Каких-нибудь намеков на женитьбу или хотя бы совместное проживание не было и в помине.

Но тут появилась она. Тонкая талия, довольно длинные ноги, небольшая грудь и интересное личико, которое нельзя было назвать красивым, но что-то в нем очень даже привлекало. Обычно первым пытается познакомиться мужчина, но в этом случае все было как раз наоборот. Она увидела его еще на пирсе возле причала и сразу отметила про себя, определив по его простому и улыбчивому лицу, что это неплохой человек, – а ей было с кем сравнить в ее тридцать лет. Нет, это не было запланированной охотой за женихами, просто все так удачно сложилось, тем более что жутко надоели постоянные упреки матери: «Ты так и останешься одна-одинешенька, если не предпримешь конкретных действий». Ну что тут скажешь – ее устами говорил женский опыт многих поколений.

Любовь бывает глупой по-разному: один ночи напролет пишет своей возлюбленной стихи, другой сочиняет песни, третий бьет рожи всем ее бывшим поклонникам, чтобы быстрее их отвадить, – он же был четвертым, и через неделю после знакомства начал ремонт в ее квартире, да что там ремонт – в армии он мог гусеницу у танка поменять. А после того как через месяц он ремонт закончил, она решила: пора.

Миша не знал ни ее матери, ни этого женского многовекового опыта, и поэтому, когда она к нему подошла, его радости просто не было предела. Нет, это была даже не радость, это было изумление: такая интересная, и именно к нему. Он пытался понравиться, как мог, и, удивляясь самому себе, ощущал, что он действительно нравится. Поездка длиной в три дня и две ночи пролетела как один час. Он был влюблен, а ей оставалось только скрутить свой невод – рыбка сама выскочила на берег.

Через два месяца состоялись смотрины жениха в деревне у матери. Миша понравился матери невесты на все сто, она была согласна. Свадьба не за горами.

Жениться в тридцать пять лет – это все равно что терять девственность. Мише казалось, что минутная стрелка отщелкивает последние мгновения свободы, но, несмотря на это, сила любви заставляла его носиться по городу, готовясь к наступающему торжеству.

Она была спокойна и уверена в себе. Такую, как она, он найти не сможет, поэтому она просто давала ему свои и материны распоряжения, которые безропотно выполнялись. Лучшим движителем всего этого был, конечно же, секс. Если Миша делал все как надо, то получал «сладкого», если нет, то сидел на «мякине». Поэтому приходилось стараться.

Иногда сила духа его оставляла, он усаживался в барное кресло у стойки и изливал душу своим сослуживцам. Все сострадательно кивали головами, не понимая, зачем он женится, если над ним заранее так измываются. Но они не понимали и другого – что он по своей натуре подкаблучник, а сейчас просто боится потерять свою «девственность».

Бурная активность тещи заставляла Мишу побаиваться первой официальной брачной ночи, и он втайне поинтересовался у староверов (невеста и будущие родственники были из них), нет ли в их обычаях права первой ночи у тещи. К счастью, все оказалось по-человечески, но усердие будущей «мамы» все равно пугало.

Иногда он приезжал в свою двухкомнатную квартиру, где прошло его детство со старшей сестрой и братом, садился на кухне возле окна и думал: «А на фига мне все это надо?» Но проходила пара часов, и он уже начинал скучать по своей возлюбленной, и мысли его

были уже совсем другие. Миша собирался, сел в свой служебный грузовой пикап и через весь город отправлялся к ней.

Будущая теща приехала за пять дней до свадьбы, чтобы все точно расставить по своим местам. Невеста беспрекословно слушала мать, абсолютно во всем с ней соглашаясь, примерно так Миша слушался своего старшину, когда служил в армии. Ему начинало казаться, что если «мама» скажет его «будущей», что они после свадьбы будут спать раздельно и ни-ни, то так оно и будет, а если теща даст отмашку, то прямо хоть сейчас.

Родственники за него радовались: ишь какую себе отхватил, и удивлялись – ну чем же он ее охмурил, вот молодец!

Но он сам уже ничему особо не радовался, хотелось побыстрее со всем этим покончить и перейти к новой, неизведанной жизни. Это как разбежаться с моста и, закрыв глаза, сигануть вниз с сумасшедшей высоты, а там будь что будет, то ли вода, то ли асфальт.

Костюм и туфли покупались под зорким наблюдением невесты и тещи, и в этом не было виновато отсутствие у Михаила вкуса, просто так было надо. Список гостей прошел особую цензуру, и с преимуществом три к одному был утвержден список в пользу тещи.

Он был православным, она староверкой. Ни тот, ни другой веру менять не желали, поэтому обряд проходил возле «алтаря» в обычном загсе. Отзвучал марш Мендельсона, отерли слезы умиления близкие родственники, и, нагрузив молодых кипами цветов, все разошлись в ожидании вечернего застолья.

Дружное «горько!» поднимало молодых с почетных мест каждые пять минут. Все поочередно, как по заказу, шутили по поводу первой брачной ночи, и чем больше пили, тем проще и проще становились шутки. Деревенское пиво, смешанное с водкой, постепенно лишало разума всех окружающих, и после очередного возгласа «горько!» многие забывались и начинали врасос целовать своих соседей. Но свадьба есть свадьба, всем было хорошо и весело.

Утром он проснулся часов в семь, за окном уже всюду светило солнце. В голове немного гудело от шампанского, но на сердце было как-то очень радостно. Он пошел на кухню и по старой холостяцкой привычке стал мыть оставшуюся с вечера посуду, рассуждая про себя, что во всем этом есть своя прелесть: «Ну и что, что раньше мыл посуду только за собой, а сейчас буду мыть за двоих, главное – это счастье».

СВЯТОЙ

Я, конечно, не частый ходок в церковь, но иногда, когда на душе становится муторно, ноги сами поворачивают в храм, постоять под образами и просто подумать. И сколько раз я туда ни заходил, всегда встречал одного и того же мужчину с благостным лицом, который стоял с правой стороны, недалеко от входа, рядом с иконой Иоанна Крестителя. Его горящие глаза во время службы выразительнее всего передавали непоколебимую веру и преданность Создателю. Когда он подпевал церковному хору, голос его неподдельно дрожал от волнения. Мне в такие моменты становилось стыдно за себя, за свою врожденную и приобретенную грешность, и самое главное, за то, что я так редко ощущал в себе это великое чувство раскаяния. И он, этот незнакомец, подталкивал меня к очищению, на глаза мои наворачивались слезы и комок подступал к горлу от собственного ничтожества и греховности. Я смотрел на его благообразный лик с великим уважением за его преданность вере.

Вскоре я стал ходить в церковь все чаще и уже вместе со всеми вытягивал «Господи, помилуй», испытывая от этого невероятное очищение всей своей сущности. Я перезнакомился со всеми местными бабками, торговавшими здесь свечами и иконками, они мне растолковали значение церковных праздников и разных других мероприятий. На вопрос: «Что это за такой интересный человек?» – они уважительно зашушукались и сказали только одно: «Ну очень верующий, просто святой, но ни с кем не разговаривает, молится и уходит». Я зауважал его еще больше – за сдержанность и ненавязчивость в общении с людьми, чего так не хватало мне самому. Что уж скрывать, поболтать о том о сем я любил всегда и со всеми. Он, сам того не зная, стал как бы моим учителем. Я подтянулся, совершенно бросил пить, стал более разборчив с женщинами и почти совсем перестал врать. Если с кем-нибудь приходилось общаться, я говорил ровно и степенно, обдумывая и взвешивая каждое слово. Мне почему-то казалось, что именно так общается он. Все мои знакомые обратили внимание на произошедшие со мной перемены, но не знали, с чем это связать, а я тайно молчал.

Я продолжал встречать его в церкви, и тайно, с уважением и трепетом, наблюдал за ним. Но однажды в воскресенье он не пришел на службу, что сразу заметили добрые прихожане, и меня охватило страшное волнение: вдруг с ним что-то случилось, а мы даже не знаем, где он живет и как ему помочь. Не пришел он и на следующий день, и через неделю, что повергло нас в крайнее недоумение и расстройство.

А еще через неделю кто-то принес газету с фотографией моего кумира, где крупным шрифтом было напечатано: «После долгих поисков был задержан известный киллер по кличке Святой».

Я и сейчас продолжаю ходить в церковь, правда, не так часто.

Ориентация

Феликс пришел работать к нам на фирму два года тому назад, и за все это время он ничем особенным в коллективе не выделился, программист он был посредственный. Но когда в прошлом году его назначили старшим в группе, я просто задохнулся: я мечтал об этом месте последние три года, а этот выскочка просто размазал меня перед моими коллегами, которые тоже были уверены, что это место будет моим. Все выходные я провел в компании «Джека Дэниэлса», который разделил со мной мое горе и до последнего глотка был преданным другом, после чего выжатая до капли бутылка полетела в мусоропровод, громылая на каждом пролете.

Где-то в половине одиннадцатого меня разбудил звонок нашей секретарши, «красотки» Мэй, прозванной так за кривые, как зигзаг молнии, ноги и длинный тонкий нос будто из комиксов про злую старуху. Из ее долгого, не очень связного разговора я понял, что она хорошо ко мне относится и желает мне только добра, но, похоже, я совсем ничего не вижу вокруг себя и совсем не разбираюсь в отношениях между мужчинами. В общем-то я всегда считал ее душой, и интересы мужчин мне были предельно ясны: бутылка хорошего виски, доброго пива и, конечно же, девочки – беленькие, желтенькие, черненькие и любые другие.

В двенадцать тридцать, перед самым обедом, Феликс вызвал меня к себе в кабинет и, меряя его шагами, начал мне что-то нести про новый проект по созданию рекламной кампании в Интернете для фирмы N... То, что он медленно, нудно толковал, было мне известно сто лет тому назад, это все были мои же старые предложения. Но я героически сносил эту болтовню, наблюдая за его походкой. что-то в ней было необычное, но чертовски знакомое, и тут меня осенило: он вилял задом, как баба, а когда увидел сбоку на брюках белое пятнышко от мела, то стряхнул его, проведя рукой по бедру так, что я в изумлении даже сглотнул слюну. Он продолжал ходить по кругу, а я с широко раскрытыми глазами наблюдал за его странными повадками: при разговоре он иногда кокетливо складывал губы в трубочку, ну точь-в-точь как моя жена Кэти, и другие необычные признаки начинали проявляться в его облике. Но тут зазвонил телефон, он поднял трубку и страшно засуетился:

– Да, да, скоро буду, ну конечно же, – и послал в трубку воздушный поцелуй. Потом перевел взгляд на меня и, страшно смущаясь, произнес: – Извините, мы с вами договорим в следующий раз, мне надо идти.

Я сидел в своем кабинете и ощущал себя полным идиотом: мной руководит пидер! Через минуту приковыляла Мэй и сказала: «Ты ведь, пожалуй, один из последних могикан в нашей фирме, полноценный мужик, и, по всей вероятности, умрешь на своей должности, но зато под стенания многих женщин», и сразу же вышла, оставив меня наедине со своими предположениями по поводу карьеры.

На все на это Кэти сказала, что я полный дурак, мне просто надо лучше работать, а не строить предположения в отношении истинно талантливых людей. Она уже легла спать, а я еще долго дымил на балконе сигаретой, глядя на огоньки проезжавших далеко внизу машин.

Утром я поднялся как с похмелья, всю ночь мне снились «вещие» сны о моем повышении через «талант». И я даже не удивился, что перед выходом из дома мне позвонил Феликс и попросил, чтобы я захватил папку с моим проектом, который отвергли в прошлом году.

Полдня я провел у Феликса в кабинете, он искренне радовался за меня, блестя своими карими глазами. В голове мелькнула мысль: «Неплохой парень, жаль, что пидер».

Работа по продвижению моих предложений закипела так, что я просто не мог нарадоваться. Кэти заговорила со мной дома совсем другим тоном, она почувствовала во мне талант. Я стал ухожен, как майская роза. Грязных рубашек в доме просто не было. Вся моя

одежда просто благоухала свежестью какого-то нового стирального порошка. В доме ждали повышения.

Красотка Мэй завалила ко мне в кабинет перед самым утверждением моего проекта и, строго посмотрев мне в глаза, сказала:

– Билл, не сдавайся!

На это я ей со смехом ответил:

– Ну что ты, Мэй, Боливар не выдержит двоих, к тому же ты меня знаешь.

Комиссия во главе с самим мистером Трэнксом утвердила мой проект, все – новая должность была у меня в кармане.

...Все уже разошлись, в баре остались только мы с Феликсом. Море выпитого виски приятно туманило глаза, и, как всегда бывает, начался разговор за жизнь. Меня так и подмывало сказать: «Ты такой классный парень, но вот жалко, что пидер, – но что-то меня удерживало, и вместо этого я говорил: – Давай еще по одной», на что он так безропотно соглашался, что становилось его как-то даже жаль, хотелось его обнять, а еще эти печальные глаза...

Веки с трудом разорвали слипшиеся ресницы, в глазах стояла муть, а во рту тяжелая горькая слюна и сухость. Чья-то рука нежно поглаживала меня по животу. Я боялся повернуть голову, мое сознание оборвалось, когда мы с ним целовались в машине взасос и клялись друг другу в вечной дружбе.

Рука продолжала меня ласково поглаживать, и мне начинало уже это нравиться, я повернул голову и – о боже! – это оказалась Кэт. Она, увидев в моих глазах вопрос, сказала: «Тебя вчера на машине Феликс подвез, а ты все с ним расставаться не хотел, еле уговорили, ну ты набрался, – и, чмокнув меня в щеку, добавила: – Ты у меня – талант».

Жажда крови

Стимс любил животных, у него дома жили маленькая собачка со странной кличкой Дура и большой красно-зеленый попугай Билл. Кто ему дал это мужское имя, Стимс не знал, но когда попугай вдруг ни с того ни с сего забеременел и начал нести пустые яйца, он понял: вкралась ошибка то ли природы, то ли человека, и Билл стал Беллой. Кроме всей этой живности на его подворье, как и положено любому лесничему, сидел на цепи огромный черный волкодав, и назван он был самим Стимсом – просто Волк.

До ближайшего жилья от его зимовья было дня три езды на джипе по ухабам и рытвинам лесной дороги, так что его ближайшими друзьями были эта троица, а также две коровы, шестнадцать овец, два петуха и множество несущек. Многие, кто добирался до его жилья, считали его сущим чудачком, потому что в свои сорок пять лет живет он бобылем здесь, в этом странном окружении. Некоторые даже советовали приобрести ему вместо жены козу, мол, хлопот меньше, да заодно и молоко давать будет. Но он не обижался, только посмеивался в свои густые седые усы и отмалчивался, – что этим пришлым объяснять, все равно не поймут. А им так бы хотелось узнать о нем побольше: как он тут оказался, почему поменял тот шумный мир на этот и почему так не любит охотников. Но Стимс молчал, подбрасывая в огонь колотые поленья, смотрел на языки пламени, и мысли его возвращались в прошлое, а треск огня напоминал ему хлесткие выстрелы из карабина в ночи.

В самом начале лета на краю огромного поля, покрытого миллионами цветов и благоухающих трав, появился на свет маленький олененок. Он был в восторге от окружающего его мира – яркое солнце, большие деревья, маленькие цветы, а рядом красавец олень-папа и изящная, как статуэтка, мама. Но тут Где-то недалеко в лесу раздался хруст ломающейся ветки, олени встрепенулись и бросились через поле к соседнему лесу. Олененок еле-еле поспевал за ними, неокрепшие ножки еще не научились держать слабое тельце, и, перепрыгивая через глубокую канаву, он споткнулся и кубарем полетел вниз. Он никак не мог выбраться из этой канавы, копытца соскальзывали по глине, и когда ему казалось, что еще немножко, и он выберется, он опять оказывался на самом дне.

Утром Стимс обходил свои лесные владения и вдруг услышал, как со дна Чертова оврага раздается какой-то странный плач – то ли ребенка, то ли животного. Он осторожно подошел к краю оврага и глянул вниз: там на самом дне лежал маленький олененок, перепачканный с головы до копыт, и по-своему плакал. Стимс спустился на дно оврага и подошел к этому чуду природы, которое дрожало от холода и голода. Стимс снял с плеч брезентовую куртку и укутал ею олененка, у которого от усталости не было даже сил сопротивляться. Но не простое это дело – выбраться из канавы с олененком на руках, у Стимса ноги так же соскальзывали по глине, и они уже вместе съезжали вниз. В конце концов он нашел выход – выбивая носками сапог подобие ступеней, медленно, шаг за шагом выбрался на поверхность. Олененок, увидев, что вокруг опять большое поле цветов, стал отчаянно сопротивляться, пытаясь вырваться, мотал головой и перебирал ногами, но Стимс крепко прижимал его к себе, понимая, что один, без защиты, он в этом лесу не жилец.

Эд Хардсон был невысокого роста и довольно щуплый человечек. Но, несмотря на это, он пользовался большим уважением в городе за хитроумные финансовые махинации, которые приносили ему хорошие дивиденды. Однако жизнь в провинциальном городке была ему до чертиков скучна, каждый знал тут друг про друга все: кто с кем переспал, у кого появилась новая любовница, кто сменил свою ориентацию, и так до бесконечности.

Его жена Лиззи, несмотря на свои двадцать семь лет, возглавила клуб деловых женщин, которые ни черта не смыслили в делах, но очень любили покрасоваться на каких-нибудь благотворительных балах, где создавали видимость высоких духовных порывов. Многие счи-

тали, что они с таким же, а может, и с еще большим удовольствием могли бы и поработать на благо бедных на панели и раздать заработанное нуждающимся. В общем, город жил своей жизнью, как простой человек, и все в нем было перемешано – и плохое, и хорошее.

Лиззи уже давно не интересовала Эда как женщина, так, иногда по пятницам он исполнял свои супружеские обязанности и возвращался в свою спальню без должной радости. Чего-то ему не хватало в этой жизни – нет, не женщин, не денег, а чего-то такого, чего он даже и не знал.

Жил Стимс в десяти милях от города, что позволяло ему иногда выезжать туда из заповедника и быстро возвращаться назад: все было под рукой – и бензоколонка, и магазин. Он привез своего маленького подопечного домой, долго и старательно отмывал его от сухой, слипшейся с шерстью коричневой глины, а потом внес в дом, укутал олененка в старое шерстяное одеяло, положил на плюшевый диван в коридоре, а сам поехал в магазин за молоком – у него тогда не было ни коровы, ни овец.

Стимс назвал олененка Подкидыш. Через три месяца он отзывался на эту кличку и, как собака, подбегал к Стимсу и лизал ему руки, ожидая сладкое печенье. В округе уже все знали о Подкидыше и с удовольствием заезжали поглазеть на него и показать детям, поэтому недостатка в сладком у него не было. Но больше всего Подкидышу нравилось выходить со Стимсом на прогулку в лес, правда, у него был ошейник, так, на всякий случай, чтоб не убежал – молодой еще, волки могут задрать. Сквозь густые ветви деревьев сияло солнце, и Подкидыш очень любил смотреть на него, такое яркое, красивое. А еще ему нравилось, когда Стимс клал на его спину свою тяжелую сильную руку и почесывал пока еще мягкую шерстку.

Шло время, на деревьях начали облетать листья, медленно подбиралась зима, шерсть олененка стала густой и жесткой, а на красивой, гордо посаженной голове обозначились маленькие наросты будущих рогов. Первый снег он встретил осторожно, поднимая вверх свой черный нос и пригнувшись к падающим снежинкам, которые превращались на нем в воду и стекали каплями на землю, а он все стоял и заворуженно смотрел на непонятное белое чудо.

Стимс ужасно разбаловал своего любимца свежей морковкой, капустой, не говоря уже о простом, но очень вкусном сене. Время летело быстро, и вскоре зима уже подходила к концу. Вначале под ярким апрельским солнцем снег начал стекать с крыши их дома, а через две недели по всему двору зажурчали быстрые ручьи, и Подкидыш ощутил в себе какую-то неясную тревогу – хотелось куда-то бежать, к чему-то стремиться, а далеко из леса раздавались трубные призывы оленей, которые его еще больше волновали.

Стимс очень привязался к своему воспитаннику, ведь он стал членом его семьи. Утром олененок провожал его на обход, а вечером встречал, и так целый год. Но Стимс понимал: для Подкидыша наступает пора самостоятельной лесной жизни, и в одно раннее утро он вывел его на ту самую поляну возле оврага, где в первый раз его нашел, снял с его шеи поводок и нежно подтолкнул в бок: «Удачи, Подкидыш». Казалось, он только этого и ждал – ринулся с места во всю прыть, но, отбежав метров на триста, остановился и оглянулся на Стимса, как бы приглашая: «Ну что же ты встал, побежали вместе!», и, немного подождав, опять рванул с места, наслаждаясь свободой. Стимс вообще-то был суровый мужик, но почему-то слеза все-таки затуманила ему глаза. Домой он вернулся с таким настроением, будто кого-то похоронил. Достал из холодильника бутылку виски, кинул в стакан пару кубиков льда и стал разводить свои мысли крепким напитком.

Эд Хардсон стал заниматься рыбной ловлей, чтобы как-то развлечься в этом скучном мире, но, поймав с тридцать форелей, полностью охладел к этому занятию. И снова скучные ужины в окружении одних и тех же лиц, дурацкие разговоры и много алкоголя, одна и та же бесконечная история. Но как-то во время одного из таких вечеров он услышал заво-

раживающее мужчин слово «охота» и тут же представил себя в джунглях в походе на тигра или на волка.

Через неделю он собрал всю информацию про охотников и охотничье общество, а еще через неделю стал уже его членом. Рассказы о том, как они выслеживают оленей, а потом ветвистые головы украшают их кабинеты, раззадорили Эда и вскружили ему голову, но ждать открытия охотничьего сезона еще целое лето он просто не мог и через доверенных людей узнал, что можно попробовать и сейчас, правда, только ночью и с фарами.

Рано утром Стимс услышал на улице непонятный стук и выглянул в окно: у входа в загон стоял Подкидыш и стучал копытцем передней ноги по воротам. Стимс выскочил во двор в одних трусах – так он не радовался с тех пор, как развелся с женой, потом вернулся в дом, взял самую большую морковь и направился к Подкидышу. За две недели тот как-то возмужал и морковь взял из рук Стимса осторожно. Потом подставил ему свою спину – немного почесать, но стоило Стимсу дотронуться до него, он отскочил в сторону в три прыжка и встал, а потом повернулся и скрылся в лесу. Но Стимсу это все равно был просто бальзам на душу: все-таки пришел, не забывает.

Подкидыш любил разглядывать ночное небо: тысячи звезд приходили на смену солнцу, а потом они исчезали, растворяясь в свете дня, и так было все время. Но вот однажды ночью, когда весь лесной мир спит, недалеко от поляны, где паслись олени, раздался приглушенный шум мотора. Олени насторожились и отошли в лес. Вдруг зажглось яркое солнце, Подкидыш удивился, очень обрадовался и пошел ему навстречу, а через несколько секунд раздалась громкие хлопки. Он уже ничего не чувствовал, когда ему ножом перерезали горло, выпуская из его жил молодую кровь, и трясущиеся от возбуждения руки вырывали из груди жаждущее жизни сердце как трофей победы.

В эту ночь Стимсу почему-то спать не хотелось, он вышел на улицу, сел на складной стул и стал смотреть в небо, и тут он услышал принесенные эхом хлопки выстрелов, и нехорошее предчувствие кольнуло его в сердце.

Джип летел в темноту, разрезая фарами ночную мглу, чутье подсказывало: ехать надо на поляну Подкидыша. Через четверть часа он уже был у поляны – недалеко от лесной дороги лежал обезглавленный труп оленя. Стимс подъехал к нему поближе, осветив все вокруг ярким светом фар, вышел из машины и замер: перед ним лежало то, что осталось от друга. «Глупенький, он принял их за солнце». Рядом с дорогой Стимс увидел какой-то блестящий предмет. Это оказалась глянцевая визитная карточка некоего Эда Хардсона, а рядом лежал носовой платок, мокрый от крови.

Эд был счастлив: этой ночью он осуществил свою мечту, он чувствовал себя просто суперменом. Ночь, выстрелы, кровь! Неуемная дрожь возбуждения была даже сильнее, чем оргазм, и потом расслабление – вот это жизнь! Напротив его стола над дверью было свободное от картин место. «Вот тут я и повешу свой первый трофей, – решил он».

В дверь тихонько постучала секретарша:

– Мистер Хардсон, к вам какой-то мистер Стимс, у него ваша визитка.

Эд удивленно приподнял брови:

– Ну, пусть войдет.

Стимс вошел в кабинет, закрыл за собой дверь и подошел прямо к столу. Он ожидал увидеть какого-то мастодонта из груды мышц, олицетворяющего само насилие, но перед ним сидело просто ничтожество. Стимс достал револьвер и приставил дуло к его голове. Хардсон хотел закричать, но вместо этого из его глотки вырвались неопределенные звуки, что-то среднее между мычанием и воем, ужас сковал все его члены, он понял, что сейчас умрет. Собрав остатки воли, он прошептал:

– Кто вы?

– Не бойтесь, мистер Хардсон, я просто охотник, у меня жажда крови.

А через минуту с кожаного кресла на паркет потекла тонкая струйка, но, правда, не крови – виной этому были слабый мочевой пузырь или страх.

Стимс вышел из тюрьмы через два года и сразу уехал куда глаза глядят.

Капитан

Яхты из красного дерева нынче большая редкость, поэтому Леон ее берег как родную. Каждая весна у него обычно начиналась с подготовки к летнему сезону. На яхте со странным названием «Курса» все приводилось в идеальное состояние, старенький, слабосильный моторчик «вольво-пента», уже давно отслуживший свой ресурс, полностью перебирался и опять тарахтел как новенький, наполняя жизнью яхту во время полного штиля. Для Леона жизнь без запаха моря и ветра была почти бессмысленной, всю зиму он слонялся по яхт-клубу в ожидании, когда здесь снова все закипит и ветер вдохнет жизнь в белоснежные паруса. Приходила весна, таял лед, и все начиналось.

В свои пятьдесят он не выглядел этаким старым морским волком, пропитанным солью и запахом рома и вечно ворчащим при виде беспорядка; он был подтянут, аккуратен и очень вежлив. Начинающие любительницы парусного дела были не против, чтобы Леон их потренировал наедине где-нибудь далеко в заливе, но в общем-то он им и не отказывал – отказать женщине он всегда считал неприличным. Мужчины же с удовольствием приглашали его к себе на лодки на стаканчик виски в надежде услышать от него увлекательные морские байки, и он им в этом тоже не отказывал.

Во время штиля белоснежные яхты-лебеди стояли на приколе возле своих причалов, а их капитаны сидели в баре и лениво тянули светлое пиво, снисходительно наблюдая, как мимо проносятся с ревом моторные яхты, нарушая идиллию. Но стоило подняться ветру и разогнать волну, как мотористы причаливали к берегу. Наступало время настоящих мужчин, когда ты остаешься один на один с ветром и морем. Их яхты расправляли свои крылья-паруса и одна за другой выходили в море, на зависть тем, кто остался на берегу, – но это была уже не их стихия, и им оставалось только смотреть.

Леон загрузил на борт пассажиров с полными сумками еды и выпивки и, как всегда, повез на прогулку в залив. Публика, которой нравятся морские прогулки, бывает на удивление разнообразной: некоторых в первый же час укачивает, и они понемножку начинают «травить» за борт, другие в первые же минуты принимают на душу для храбрости, потом добавляют и «травить» начинают уже на обратном пути, оставляя на воде радужные круги. Но есть и такие «морские волки», которых, несмотря на то, что яхту они видели только в кино, возбуждают волны и ветер, и Леон знает наверняка: они обязательно придут к нему еще.

Сегодняшние гости, две молодые пары, сидели, обнявшись, на носу и смотрели, как форштевень разрезает волны, обдавая их мелкими брызгами; их это очень забавляло, они радостно смеялись, болтая ногами над самой водой. Вот «Курса» прошла фарватерные буи, и волнение сразу усилилось, заставив путешественников перейти на корму и разместиться рядом с капитаном. Веселая, высокая девчонка долго смотрела на Леона, а потом, собравшись с духом, попросила:

– Вы не могли бы дать мне немножко порулить?

Капитан выдержал паузу:

– Ну что ж, попробуйте, но я буду немножко помогать.

Она под села к нему и взялась обеими руками за штурвал. На ее лице был настоящий восторг – яхта летела по волнам, а она ею управляла. Этого восторга совсем не разделял ее спутник: его страшно мучило, и он то и дело перегибался через борт. Вскоре ему стало совсем худо, он спустился в кают-компанию и прилег на диван, время от времени прикладываясь к бутылке с минералкой. Потом начал моросить дождь, и вторая пара тоже спустилась вниз. Только эта заводная девчонка вцепилась в штурвал и просяще смотрела на Леона, чтоб он ее не прогонял. А он и не собирался, они сидели рядом, он правил парусами, ловя попутный ветер, и отдавал ей приказы, куда крутить штурвал.

Время на воде пролетает незаметно, и вскоре солнце вынырнуло из-за облаков и повисло над самым морем, предвещая закат. Яхта описала на воде большой полукруг и легла на обратный курс. Леон взялся за штурвал, когда они были уже недалеко от буев фарватера, девушка нехотя выпустила его из рук. Леон выровнял ход яхты по створам и точно прошел меж буев, и потом снова передал штурвал девушке, которая ни за что не хотела спускаться в кают-компанию, куда ее периодически звали друзья. Она сидела с капитаном, и ей, наверное, казалось, что она правит яхтой, бороздя бесконечные воды океана. Они с Леоном почти не разговаривали, только: «Руля налево, чуть правее, еще немного». Она представилась: «Меня зовут Инга», на что Леон кивнул и буркнул: «Угу», не называя своего имени, все и так знали, как его зовут.

Пока яхта плыла по реке к своему пирсу, солнце за кормой уже входило в море ярко-красным шаром, превратив облака из белых в бледно-розовые. Леон молча показал в сторону моря. Девушка от восторга закричала: «Ой, ребята, быстрее сюда, тут такая красота!» Снизу хором ответили: «Нам и тут хорошо», и засмеялись. Она виновато посмотрела на Леона, как бы говоря: ну извините. Но Леону было не впервой, он знал – каждый получает в море то, за чем он сюда едет и чего он сам хочет.

Яхта подошла к причалу на урчащем дизеле, матрос принял концы, и через минуту они накрепко пришвартовались. Ребята и их подруга неуверенной походкой прошли по трапу, спускаясь на причал, их укачало от моря и вина. С берега они помахали Леону, прокричав: «Спасибо, кэп». Леон тоже на прощанье махнул им рукой и уселся на рубку. Чем-то ему очень понравилась эта девчонка, но слишком уж она была молода, поэтому он даже не пытался как-то ее заинтересовать.

Он еще долго драил кают-компанию после нынешних гостей, хотя мусора было немного, он всегда доводил все до блеска, вымывая все внутри водой со специальным составом, чтобы назавтра яхта вся была как новенькая.

Утром в воскресенье он не торопился в клуб, дав себе как следует выспаться, хотя все остальные торчали там с восьми утра. Он приезжал не раньше двенадцати, конечно, если не было пассажиров. У причала он увидел ту худенькую девушку, она стояла и кого-то ждала. Ну вот, подумал он, решили еще попробовать. Он подошел к ней и увидел, что поблизости нет ее приятелей. «Вы что-то забыли?» Она почему-то покраснела и спросила: «А вы могли бы еще раз взять меня с собой в море?»

Вскоре яхта Леона, расправив свои белоснежные крылья, скользила по пенным гребням залива куда-то в новую сказочную даль, в новые мечты, оставляя за кормой пену прожитых лет.

Круг

Лиля смотрела через окно на сидящих у дома старух. Уже несколько часов подряд они перемывали кости всем соседям по дому, покидая насиженное место лишь на время обеда и ужина. Ее вдруг пронзила жуткая мысль, что вот так и она состарится, как эти бабки в этом доме, и будет точно так же сидеть на этой зеленой скамейке, судача о прожитом дне со своими кумушками, а потом придет черед ее дочки, а когда-то и ее внуков. Горло перехватило от безысходности этого круга: утро, кормежка, работа, ужин, постель – и опять все сначала.

Она вдруг задумалась, любит ли своего мужа. И сразу успокоила себя: «Ну конечно же, люблю, ну, как очень близкого родственника». Потом вспомнила: когда они познакомились, – а с тех пор пролетело уже шестнадцать лет, – стоило ему положить на ее коленку свою руку, как Лилю бросало то в холод, то в жар и желание кружило голову до безумия. А сейчас его прикосновения только мешали поскорей заснуть, но вообще-то она считала его очень милым и добрым. Когда на прошлой неделе ее, шутя, прижал к себе электрик Виктор, у нее внутри опять все полыхнуло тем забытым пламенем и вопреки здравому смыслу появились запретные, но очень манящие мысли, а потом, когда она вернулась с работы домой, стало почему-то неудобно перед мужем. В этот день даже в постели было почти так же, как много лет назад, и все благодаря какому-то электрику. Муж удивлялся и радовался одновременно. Потом, через месяц, все опять встало на свои места. Ее все время мучили мысли: «А может, у него кто-то есть? Слишком уж он холоден ко мне, не ласкает совсем». И сразу успокаивала себя: если бы кто-то был, она бы сразу поняла. Иногда и чужой жар может разжечь затухающий костер.

Она любила своих детей самой обычной, бескорыстной материнской любовью. Утром кормила, одевала и отправляла сына в школу, а дочку в детский сад.

На работе, после трехлетнего сидения с детьми, ей сначала очень нравилось, но потом все это превратилось в рутину, и уже хотелось чего-то нового. А этого нового не было. Она работала барменом на автомойке – каждый день одни и те же клиенты, одни и те же пустые комплименты от мужчин и недовольные физиономии женщин оттого, что им приходится тратить время в задрипанном баре. Многие садились к ней поближе у барной стойки и любили поболтать о всякой всячине, наверное, это было для нее единственным развлечением, когда она узнавала о какой-то совершенно другой, неведомой жизни. Иногда ей казалось, что вся ее жизнь – это просто странный сон, и совсем не про нее, а ей надо куда-то в другую жизнь, о которой приходилось слышать сотни раз. Но каждый новый клиент с чеком за оплату мойки как бы говорил ей: ты не спишь. Втайне она мечтала: а вдруг случится что-нибудь такое и все изменится в один день, – но опять появлялся человек с чеком, перечеркивая ее фантазии.

Единственной отдушиной в своей жизни она считала поездку к маме в деревню, за семьдесят километров от дома. Там, в старом бревенчатом доме, она чувствовала запах детства, от которого кружится голова и возрождаются детские мечты. Мычание коровы по утрам, кружка парного молока с черным хлебом, запах хлева и что-то такое, что носится в воздухе и что помнит только твое детство. Первый поцелуй соседского мальчишки в стогу сена рядом с сараем, его паровозное дыхание, любопытные руки и все-все осталось Где-то очень далеко. Но каждый раз, когда она сюда приезжала, все это обязательно всплывало в памяти далеким маяком надежды.

Потом она ехала в автобусе домой в приподнятом настроении, и казалось, что все не так уж и страшно, живут люди и хуже.

День пролетел незаметно. Муж вернулся домой, пропитанный запахом лака и красок. Вскоре прибежали дети. На кухне застучали ложками.

А эти бабки под окном на зеленой скамейке все трещали и трещали, замыкая жизненный круг.

Молодожен

У них была не очень большая разница в возрасте – лет восемнадцать, ну, может, двадцать. Он подцепил ее в каком-то баре, угостив кружкой пива и жареной картошкой. Каролина выглядела довольно неплохо в свои семнадцать лет: толстый слой крем-пудры сглаживал ее покрытую угрями кожу, придавая ей здоровый розовый оттенок, широкие скулы и широко расставленные миндалевидные зеленые глаза сразу выдавали ее полуазиатское происхождение, а хорошо развитые плечи и узковатые по сравнению с ними бедра напоминали скорее мальчишечью, чем девичью, фигуру. Но все равно в ней было что-то такое, что его потянуло к ней, и, рассчитавшись за нее и за себя, он увел ее к себе домой, и, как оказалось, не на одну ночь.

Месяца через два он познакомился с ее отцом, конченным пройдохой-мечтателем, который смотрел на будущего зятя с одной мыслью: нельзя ли из него что-то выжать? А когда через некоторое время убедился, что это бесполезно, был рад хотя бы тому, что скинул с себя бремя отцовства, передав дочь в надежные руки счастливого жениха.

Его, конечно, нельзя было назвать мальчиком, в свои тридцать семь лет он кое-что повидал в жизни. Раз был женат на крепкой русской женщине, которая, родив ему дочь, запала на моряка дальнего плавания в красивой форме и белой фуражке, а он вернулся в родные места к своей матери и брату, где его встретили с большой радостью. Дела у него шли неплохо, вскоре он купил себе двухкомнатную квартиру в престижном районе, старенькую немецкую машину, ну а потом он оказался в этом баре, где и встретил ее.

Для Каролины это был неплохой выход из положения, ей до ужаса надоело жить с родителями и сестренкой в однокомнатной квартире с печным отоплением на самом берегу реки, откуда летом все время несло сыростью, а зимой промозглым ветром. Ей казалось, что вырваться отсюда не будет никакой возможности. И она все время мечтала о принце на белом «мерседесе», который увезет ее в другой, красивый, мир. Но вместо принца появился он, что для начала было не так уж и плохо. Для своих лет он выглядел просто великолепно: атлетическая фигура, все тридцать два зуба (тридцать третий, абсолютно здоровый, был удален врачами, как лишний), таких и двадцатилетних днем с огнем не найдешь. Дома у него вся стена была увешана спортивными медалями, и это ее окончательно покорило.

Свадьба прошла в небольшом ресторанчике на берегу моря в окружении ее родственников и молодых друзей. Они смачно целовались под общее «горько», слушали прекрасные тосты о любви и вечной верности, кивали в знак согласия и снова целовались. На следующий день молодые переехали в дом новоиспеченного мужа, и начались будни.

Для него наступило новое время, его чувство к жене было чем-то средним между любовью к дочери и любовью к женщине. Он готовил для нее, стирал белье, убирал квартиру – в общем, забот прибавилось, а когда через два года она родила ему сына, заботы удвоились, но он был удивительно счастлив и вначале, поглощенный своими новыми заботами, даже не обращал внимания на то, что его молодая жена стала задерживаться. Постепенно эти задержки начали растягиваться и перешли в ночевки у подруг. Нельзя сказать, чтобы ему это нравилось, но приходилось мириться с ее прихотями, ведь ему уже перевалило за сорок три, а ей только исполнилось двадцать пять. Но мысль о принце на белом «мерседесе» не улетучилась с годами из ее головы, наоборот, эта навязчивая идея крепко засела в ее мозгу, и если где-нибудь мимо проезжала такая машина, сердце ее на мгновение сжималось: а вдруг это он, тот единственный?

И однажды ее рука взметнулась вверх, пытаясь остановить, быть может, свою мечту. Машина остановилась, дверь распахнулась. Домой она вернулась только под утро, в перемятой юбке, пахнущая дорогим коньяком и с двумястами долларами – щедрым подарком

от нового «принца». Эта была ее первая и последняя встреча с ним, «принц» даже не попросив номера телефона, укатил вдаль, оставив ее на ближайшей автобусной остановке.

Она начинала ненавидеть своего мужа, ей казалось, что это из-за него она не может достичь своей заветной цели, стала в открытую обвинять его во всех мыслимых и не мыслимых бедах, и однажды даже призналась ему в своей несбывшейся мечте. Он внимательно выслушал ее и даже немного посочувствовал, но это никак не отразилось на его отношении к ней, он продолжал стирать пленки, готовить еду и возобновил длительные пробежки по лесу по утрам.

Идея избавиться от него пришла к ней внезапно, когда он после бега жадно пил из бутылки минералку, – ее ужасно раздражал дергающийся кадык мужа и запах его пота. Нет, она не собиралась его убивать, вместо этого она решила его лучше посадить, освободив для себя квартиру, которая была переписана на нее любящим мужем, как и машина. Идея была проста: она приходит домой ночью, затевает скандал, рассказывает про своих любовников, он ее бьет, она вызывает полицию, а остальное – дело техники и экспертизы.

Лучшим днем для этого была, несомненно, пятница. Она явилась домой около трех часов ночи, предварительно выпив для храбрости изрядную дозу коньяка. Он, как всегда, не спал, сидел на кухне и терпеливо ожидал свою жену. Едва успев войти, на его вопрос: «Где ты была?» она понесла в ответ такое, что у любого другого мужчины не выдержали бы нервы и он обязательно остановил бы этот поток брани любым способом. Но он молчал, отчего она распалялась все больше и больше. Он продолжал молчать, стоя посреди комнаты, а ее ничто уже не могло удержать; злоба, которой коньяк отпустил тормоза, овладела им окончательно, она схватила с плиты чугунную сковородку и со всего маху ударила его по голове. Он рухнул как подкошенный, из рассеченной кожи стала струиться кровь, растекаясь по кафельной плитке.

Ее увидели соседи, когда она тащила за ноги своего мужа к мусоропроводу, и вызвали полицию. Он выжил, было тяжелое сотрясение мозга, трещина небольшая, а ей дали пять лет исправительных работ, говорят, она, дура, призналась в том, что задумала.

Ну а он вскоре встретил другую женщину, которая до сих пор считает, что он принц ее мечты.

Чистюля

Даже если была мерзопакостная погода, а на тротуаре расплывалась слякоть, его черные ботинки всегда блестели так, словно он секунду назад вышел из дому. Что греха таить, иногда мне просто хотелось как бы случайно наступить ему на носок туфли и посмотреть, выживет он после этого или нет. И не только туфли, весь его внешний вид был настолько прилизан, что его можно было запросто тут же вести в загс или хоронить. Но он уже был женат и еще довольно молод. Его машина блестела так же, как и он сам, поэтому у меня сложилось впечатление, что на мойку он тратит денег больше, чем на бензин.

Жена и две хорошенькие дочурки были у него так же идеально ухожены. Младшая была похожа на своего отца только лицом, все остальное, включая тонкие линии еще не совсем выраженной фигуры, было от матери. Старшая, наоборот, лицом была похожа на мать, но внутри нее сидел второй отец, слегка ворчливый и самовлюбленный.

И жена, и домработница в его двухэтажном особняке с утра до вечера занимались уборкой в ожидании каких-то нужных гостей или просто ждали возвращения хозяина. По большому счету, для него что жена, что домработница были по статусу одинаковы, только с женой их связывали брачные узы и двуспальная постель. Круг его друзей постоянно менялся в зависимости от благосостояния: если у кого-то из них наступали нелегкие времена, он в силу своей занятости переставал им звонить и постепенно отваживал от дома, а если кто-то вдруг начинал быстро обогащаться, двери его дома распахивались еще до того, как вновь обращенный хотел туда попасть.

Рур был его старинным приятелем еще с тех времен, когда они вместе учились на юридическом, но у Грега не хватило терпения закончить учебу, и он с удовольствием променял ее на работу рубщика мяса. Они не перестали общаться за стенами университета и с удовольствием проводили время вместе. Однажды благодаря какому-то чудесному стечению обстоятельств Грег провел удачную сделку, связанную с продажей нефти, и мгновенно разбогател. После этого он очень изменился, как внешне, так и в отношении к окружающим. В один прекрасный день он отшил Рура, заявив ему за кружкой пива, что они люди не одного круга. На что Рур коротким словом послал его подальше. Но так как городишко наш довольно маленький, им все равно часто приходилось видеться на улице, они проходили мимо друг друга, не здороваясь, как будто никогда и не были знакомы. И так продолжалось много лет.

Рур обращал внимание на его блестящие ботинки и дорогую прилизанную внешность, а Грег поглядывал на его лычки на полицейской форме и со злорадством про себя отмечал, что продвижение по службе у Рура идет со скрипом. Рур же довольно часто видел его фамилию, мелькавшую на страницах газет во время депутатской предвыборной кампании, но не удивлялся успеху бывшего друга, зная его хватку.

...Когда Рур со спецгруппой явился в фешенебельный подпольный притон, с трудом получив ордер на обыск, там начался настоящий переполох. Хозяйка орала ему в лицо, обещая, что уже завтра он будет подметать улицы. Ему это было не впервой. Быстро распределив группу обыска по комнатам, сам он попытался открыть дверь в одну из них. Та не поддавалась. Он ударил по ней пару раз кулаком. С другой стороны повернулась защелка, двери открыла хорошенькая голубоглазая блондинка с распущенными волосами и прощбетала наивным голоском: «Тут никого нет». Рур отодвинул ее в сторону и профессионально окинул взглядом все вокруг, заглянул под кровать и вдруг оттуда, снизу, увидел за занавеской удивительно знакомые блестящие ботинки, которые так часто с достоинством проходили мимо. Он встал, посмотрел на блондинку, потом медленно, что-то обдумывая, подошел к шторе и грязным каблуком спецназовских сапог с явным удовольствием наступил на блестящую штиблету, провернув каблуком, как будто гасил окурок. Раздался приглушенный

стон. Рур слегка стукнул по занавеске кулаком, громко сказал: «Здесь никого нет» и вышел из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.